

ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ
«ПОД СЕВЕРНЫМИ НЕБЕСАМИ»:

**ПОКА ТЫ НЕ
ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ**

**И В САМУЮ
ТЁМНУЮ НОЧЬ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

И В САМУЮ
тёплую
НОЧЬ

МИЛА ОЛСЕН

Freedom
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
О-55

Mila Olsen
Entführt — Bis in die dunkelste Nacht
Copyright © 2016 by Mila Olsen

Художественное оформление *Анны Мирюк*

О-55 **Олсен, Мила.**

Под северными небесами. И в самую темную ночь / Мила Олсен ; [перевод с немецкого А. Сорокиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Freedom. Сквозь оковы сердца. Немецкий бестселлер Милы Олсен).

ISBN 978-5-04-227843-3

Я провел годы в суровых пустошах Канады, преследуемый прошлым, которое никогда не покидало меня. Жизнь казалась пустой и бессмысленной — пока однажды я не наткнулся в интернете на Луизу. С того момента я стал одержим ей. Я следил за каждым ее постом, сохранял каждую фотографию. Мы никогда не встречались, но для меня Луиза была всем.

А потом она исчезла из виртуального мира, и мое хрупкое счастье рухнуло. В отчаянии я придумал безумный план: похитить Луизу и увезти далеко, чтобы она осталась рядом со мной навсегда. Но может ли одержимость превратиться в настоящую любовь? И что, если в реальности Луиза — совсем не та девушка, образ которой я создал в своей фантазии?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-227843-3

© Сорокина А., перевод на русский язык, 2025
© Сергеева В., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

В тот день, когда в Канаде стоял пробирающий до костей мороз, мне отчаянно хотелось умереть. Я помню ледяной ветер, что дул со склонов гор под стальным, без единого облачка, куполом неба. А потом я встретил тебя, и мое сердце забилося с новой силой. В тебе было что-то, что подсказало: сдаваться рано. Клянусь, Лу, тогда, в ту суровую канадскую зиму, я еще не понимал, что это было. А если бы понимал, не стал бы тебя похищать. Прошу, поверь мне.

Поначалу я думал, что меня восхитили твои глаза, — глубокие небесно-голубые глаза, из-за которых ты показалась невинной, словно младенец. В них я увидел свободу и тут же решил безоговорочно им верить.

Хотя, быть может, дело было в твоих волосах, в игре солнечных бликов меж прядей. Я уже не могу сказать точно, — кажется, будто все это случилось много лет назад.

И все же, Лу... Глаза и волосы — всего лишь черты. Ничто в сравнении с тем, что я нашел в тебе. Сейчас мне бы хотелось никогда не знать тебя, чтобы не сожалеть о прошлом.

МИЛА ОЛСЕН

Хотел бы я, чтобы ты осталась той смеющейся блондинкой, что кружится в белой блузке в саду у дома в Эш-Спрингс. А я — парнем, который в жизни видел одну лишь беспросветную тьму.

Ведь тьма защищает нас от того, что не хочется вспоминать.

Но разве я могу тебя забыть?

Глава 1

Есть только ветер. Больше ничего. Нет даже меня. Лишь воющий над зубчатыми горными хребтами, словно стая волков, шинук.

Какое-то время я в замешательстве оглядываюсь. Я стою посреди замерзшего озера Квайет, совершенно сбитый с толку, будто потерявший память.

В последнее время я становлюсь все рассеянее. Забываю, что хотел сделать, забываю даже, о чем думал. Наверное, я так долго был один, что слился с природой, и никаких мыслей не осталось. Вместо них — лишь образы стального неба, хвойных деревьев, холода и ветра.

Мой взгляд скользит по заснеженным верхушкам елей на берегу. Они не в силах сопротивляться порывам ветра. Порой с ветвей срываются горсти снега и рассыпаются в воздухе на миллионы кристаллов. Но вся эта кипенно-белая красота совершенно не трогает меня.

Я делаю шаг. Припорошенный лед хрустит под ногами, будто готов в любой момент треснуть. Каково это — уйти под воду при температуре минус четырна-

дцать? Сколько пройдет времени, прежде чем я умру от обморожения? Или я скорее утону?

Что это за мысль мелькнула в голове перед тем, как я остановился? Я сжимаю и разжимаю холодные пальцы в перчатках, а затем натягиваю шерстяную шапку почти до бровей.

Примерно в десяти шагах от меня — небольшая прорубь. Я сделал ее, чтобы было проще набирать воду. Рядом с прорубью — два ведра, между ними — топор.

Внезапно сознание проясняется вновь, и я вспоминаю, что хотел сделать. Нужно составить список припасов — вчера я открыл последнюю банку моркови. А еще я хотел взять бензопилу и распилить еловый ствол за хижинкой, чтобы у меня был запас дров на случай, если вдруг заболелю. Еще нужно заделать течь в крыше, а еще я только что сделал прорубь, ведь лед на озере уже достаточно толстый.

Оглядываюсь через плечо на бревенчатую хижину над невысокой насыпью. Мои ежедневные планы кажутся такими же нереальными, как восхождение на гору Мак-Кинли. Мне не хочется ничего делать для будущего, я не хочу даже думать, что будет завтра. Завтра будет неотличимо от сегодня. Пустое и одинокое. Моя жизнь — замкнутый круг, выхода из которого нет. Нет и никогда не было.

Меня охватывает дрожь, и вовсе не из-за минусовой температуры — возвращается страх, от которого я никак не избавлюсь. Иногда зимой мне кажется, что все совсем плохо. Накатывает не только тихий ужас — я чувствую себя покинутым. Холод тихо опускается на землю, словно ледяной плащ, и я начинаю думать о Рождестве и Новом годе. О счастливых семьях в украшенных гостиных, об

И В САМУЮ ТЕМНУЮ НОЧЬ

индейке с каштанами и картофельной запеканке. О толпах мам и пап, которые заваливают детей такими горами подарков, будто другого повода не предвидится.

Иду дальше. Дальше от хижины, от проруби, дальше по озеру. На прошлой неделе были сильные перепады температуры, и лед у берега слегка потрескался. Осколки лежат близко друг к другу, напоминая мозаику.

Возможно, было бы лучше, если бы я провалился под воду. Природа поглотила бы меня окончательно. Никто не стал бы по мне скучать, я ничего бы не пропустил. Мне не пришлось бы думать ни о Джордане, ни о чудовищах, ни о счастливых семьях.

Здесь, в эпицентре великого одиночества Юкона, я жил с ноября. И с лета я не встретил ни единой живой души. Когда я в последний раз видел человека? Восемь месяцев назад? Или все девять?

Лед скрипит под моими черными ботинками, будто старые половицы. Здесь он прочный, но в южной части озера вода уже просачивается сквозь детали ледяной мозаики, будто лимфа из раны. Дрожа, я обхватываю себя руками и бегу.

Ощущение тверди под ногами сменяется чувством, будто я бегу по расшатанным доскам. Кажется, теперь у меня есть причина остановиться. Раньше такие мысли меня почти не посещали. Но опасность манит — лишь благодаря ей я чувствую себя частью дикой природы. Мое сердце давно разбито на куски, словно подтаявший лед.

В голове снова проносятся образы. Я вижу серое озеро, которое затягивает меня в свои глубины. Кажется, озеро обладает волей, и ему ничего не стоит подавить мою.

Здесь так темно... Ничего не слышно, ничего не видно... Вдох, выдох... Мама, как же здесь темно...

Не знаю, откуда взялся этот детский голос. Он преследует меня, будто эхо. Стоит вслушаться, и я проваливаюсь в бездонную яму, в небытие, туда, где исчезают все воспоминания, но я все так же не могу по-настоящему забыть.

Я перепрыгиваю с одной льдины на другую. Расстояние между ними гораздо больше, чем казалось издали. Волны смыли снег, и теперь я вижу пузырьки во льду и серо-зеленую воду под ним. Я закрываю глаза.

Так темно... Мама... Где ты?

Тихий треск возвращает меня в реальность. Я останавливаюсь и смотрю под ноги. На льду, между ботинками, пролегла трещина. Думая о том, что льдина расколется надвое, я испытываю одновременно ужас и предвкушение. Из рта выходит облачко пара. Ничего не происходит. Льдина просто плывет по течению, словно плот, и следует за остальными. Долго же мне придется прыгать, чтобы добраться до берега.

Может, не прыгать?

Тогда останусь здесь, и все закончится. Пустота, темнота. Одиночество.

Льдина качается. То вправо, то влево, то влево, то вправо. Я невольно вытягиваю руки в стороны, чтобы поймать равновесие. Я слишком тяжелый, чтобы удержаться. Ледяные брызги заливаются в ботинки, но это неважно. Стопы исчезают под непрозрачной поверхностью воды, и несколько пузырьков воздуха поднимается к поверхности. Стою на месте, не пытаюсь бороться за жизнь, — просто смотрю вниз. Серая вода смотрит на меня в ответ глазами мертвеца.

И В САМУЮ ТЕМНУЮ НОЧЬ

Как же темно... Как же глубоко...

Вдруг меня охватывает паника. Я тут же перепрыгиваю на соседнюю льдину, думая только об одном — лишь бы лед выдержал прыжок. Но он снова трещит и разваливается подо мной на куски.

Что-то тяжелое тянет меня вниз. Так холодно, что невозможно дышать. Я тщетно размахиваю руками. Слишком быстро. Упираюсь ногой в обломок тонущей льдины и стараюсь придвинуться к соседним, целым. Хватаюсь за край той, что толще, и опираюсь на предплечья. Едва чувствую ноги от холода, но все же закидываю одно колено на ледяной плот. Задышавшись, я ползу вперед, все дальше и дальше, пока не оказываюсь полностью на льдине, и только тогда в изнеможении ложусь на спину. Кажется, что серо-голубое небо стало красным и приближается ко мне, как развешивающийся на ветру шарф.

Больше я не чувствую ничего. Лишь слышу пульс в ушах.

Какое-то время я не решаюсь сдвинуться с места ни на дюйм. Настороженно прислушиваюсь, ожидая вновь уловить треск льда под собой. Все тихо. Слышно только, как завывает шинук.

Наконец я медленно поднимаю голову и осматриваю льдину, ставшую моей спасательной шлюпкой. Толстый слой льда кажется достаточно прочным. Я не проваляюсь, если продолжу двигаться.

Делаю несколько глубоких вдохов и осторожно поднимаюсь на ноги. Насквозь мокрая одежда уже подмерзла, но дрожу я не только поэтому. Голова кружится из-за того, что я попытался сделать. Приставив дрожащие руки ко лбу, я смотрю в сторону гор на белоснежный пейзаж — четко очерченные хребты на фоне серо-голубого неба.

Ничего не изменилось. Воздух здесь все еще свежее и чище, чем где бы то ни было, а мне все так же безразлично. Я ничего не чувствую. Трясу головой, пытаюсь разогнать мрачные мысли, и иду обратно.

Я доделываю прорубь, наполняю ведра и несу их к хижине. Легкие жжет при каждом вдохе, одежда застыла и с каждым шагом напоминает, что я опасно близок к сумасшествию.

Как я решился зайти так далеко?

Что-то ведь на это подвигло. Только вот не знаю, что именно. Мне ясно одно: если не возьму себя в руки, то не переживу зиму.

В хижине я ставлю ведра на фанерный пол и какое-то время стою в узкой прихожей. Солнце спустилось ниже, к горному хребту, и вершины окрасились в алый. Смотрю на часы: четыре, время близится к вечеру. Интересно, долго я пробыл на озере?

В темноте я не смогу запустить бензопилу и уж тем более отремонтировать крышу. Припасы пока есть. Я нерешительно смотрю на дверь, ведущую в пристройку, и опускаюсь на холодный липкий пол. Термометр показывает, что в хижине двенадцать градусов. Нужно подбросить в огонь пару поленьев, но не могу заставить себя сделать даже это. Неплохо было бы разуться и снять холодные брюки. Или хотя бы шапку и перчатки. Однако я продолжаю сидеть, опираясь на бревенчатую стену, и смотрю на улицу через окошко прихожей. Солнце опускается все ниже и ниже, и небо превращается в серое море с розово-оранжевой пеной облаков.

Наверное, было бы лучше, если бы я никогда не нашел эту хижину. Судя по всему, прежних арендаторов, которые ее и построили, было как минимум двое. По крайней мере, здесь всего по два. В един-

И В САМУЮ ТЕМНУЮ НОЧЬ

ственной комнате на нижнем этаже — два самодельных деревянных стула. Диван, обшитый какими-то лоскутами, на котором места как раз на двоих, а перед ним — стол с затертой до блеска столешницей. Когда я только нашел хижину, на столе стояли две тарелки. Приставная лестница у дивана ведет на чердак, к кровати с двумя одеялами. Я не могу там спать: кровать кажется слишком большой, и обычно я спускаюсь обратно, на диван.

Я устало опускаю голову на руки, вдыхаю запах мокрых перчаток и думаю о том, сколько успел сделать. Наверняка жизнь даже в самой крохотной деревеньке была бы комфортнее. И легче. Последние две зимы я провел в Фаро — городишке с населением не более пятисот человек. После лета, проведенного в трейлере, мне становилось легче в обществе. Нужно было всего-то дойти до ближайшего супермаркета и убедиться, что я не единственный в мире человек. Впрочем, хорошего понемножку. Гоню прочь подкрадывающееся воспоминание. Не хочу думать о прошлом.

С трудом заставляю себя подняться и начать двигаться. Вспоминаю проверенный алгоритм — буду делать то, что делал уже много вечеров. Сначала переоденусь и повешу мокрое на крючок у входа. Затем поставлю чайник и заварю чай с перечной мятой и, наконец, отправлю пару еловых поленьев в очаг.

После захода солнца я зажигаю три масляные лампы — они свисают с потолка как цветочные горшки. Внезапно вспоминаю о рисовании, но понимаю, что даже на это у меня не осталось сил. Все кажется бессмысленным.

Какое-то время я приводил хижину в порядок — и мог этим заниматься даже в сумерках. Однако рабо-

та кончилась. Рано, не как обычно, выбираю продукты на ужин в кладовой. Пора составить новый список припасов, иначе я рискую целый месяц есть гуляш из лосятины с рисом. Хотя, честно говоря, сейчас мне наплевать даже на это.

Не глядя беру банку оленины и банку горошка и разогреваю их содержимое на газовой плите. Ем, но почти не чувствую вкуса. Снова и снова смотрю в окно. Миллионы звезд сверкают, словно золотые и серебряные конфетти в честь чьего-то триумфа. В Лос-Анджелесе я ни разу не наблюдал столь величественного неба здесь, на Юконе. Уверен, в такую ночь любое девичье сердце забилося бы чаще.

Девичьи сердца... Странное словосочетание. Чужеродное, даже, возможно, инопланетное. Девичье сердце. Звучит напыщенно. Я даже качаю головой в ответ на собственные мысли. Слишком уж долго я один, чтобы думать о любви.

Пока моюсь, раз за разом возвращаюсь мыслями к странной фразе. Видимо, действительно схожу с ума. Проходит по крайней мере три часа, прежде чем я все-таки поддаюсь желанию достать старый ноутбук с верхней полки кухонного шкафчика.

Может быть, нужно просто посмотреть на девушек. Вдруг почувствую себя лучше? Прошлой зимой в Фаро я часто так отвлекался, пусть дни оставались скучны. Но, думаю, красотки смогут развлечь меня сегодня вечером.

Выношу на улицу генератор, включаю его, тяну за шнур. Повезло: тут же начинает работать без перебоев. Хотя, конечно, запах бензина в морозном воздухе стоит просто отвратительный. Утыкаюсь носом в сгиб локтя, тяну провод в хижину и просовываю его в дверную щель. Что бы еще такого зарядить, кроме модема

И В САМУЮ ТЕМНУЮ НОЧЬ

и ноутбука? На ум приходят аккумуляторы — фонарик не горит уже два дня. И вообще, нужно проверить одну из ламп — она тоже работает от аккумулятора. Заряжаю технику и бешусь, что у меня нет тройника. Выключаю генератор и ставлю его обратно в кладовую, когда понимаю, что запах бензина немного выветрился.

Сижу на корточках между диваном и окном — здесь на полу лежит ковер какого-то ржавого оттенка. Ноутбук держу на коленях. Он долго пробыл на холоде и работает медленно. После пятой неудачной попытки включения мне хочется швырнуть бесполезную технику в одну из бревенчатых стен. Я сдерживаюсь только потому, что верю в чудесное действие «девичьего сердца». Через час ноутбук наконец включается, и передо мной загорается белый экран с цветными буквами — поисковая строка.

Чувствую себя злоумышленником, который пытается заглянуть в чужой запретный мир. Странно, до сих пор у меня и мысли не возникало о том, чтобы вернуться к людям.

Сначала я хотел набрать просто «Девичье сердце», но в итоге напечатал слово «Блондинка». Не знаю почему, но я больше люблю светловолосых. Наверное, блондинки кажутся мне чистыми и невинными — моей полной противоположностью. Открываю вкладку с изображениями и вижу кучу фотографий красивых женщин. Картинки загружаются одна за другой.

Надо же — ни одна не выглядит невинной. Полуприкрытые глаза, густые ресницы, спальня. Кружевные бюстгалтеры, которые скорее подчеркивают природные данные, чем хоть что-то скрывают.

— Похоже, у нас тут огромный выбор, — шепчу я. Звук собственного голоса пугает меня. Когда я в по-